

**Письменные замечания Третьей стороны
по делу № 34176/18 «Е.Д. против России»**

1. Из практики участия третьих сторон в разбирательстве в Суде следует, что Суд принимает от них документы, имеющие значения для рассмотрения дела (см. *Gäfgen v. Germany* [GC], no. 22978/05, § 85, ECHR 2010; *McIlwrath v. Russia*, no. 60393/13, § 120, 18 July 2017), развернутые замечания в отношении фактов дела (см. *E.O. and V.P. v. Slovakia*, nos. 56193/00 and 57581/00, § 92, 27 April 2004; *Zhigalev v. Russia*, no. 54891/00, §§ 123-127, 6 July 2006; *Saliyev v. Russia*, no. 35016/03, § 50, 21 October 2010; *Ahrens v. Germany*, no. 45071/09, §§ 54-57, 22 March 2012; *Taşkın and Others v. Turkey*, no. 46117/99, §§ 82-89, ECHR 2004-X; *S.S. v. Slovenia*, no. 40938/16, §§ 76-77, 30 October 2018), замечания по приемлемости (см. *Lambert and Others v. France* [GC], no. 46043/14, §§ 85-88, ECHR 2015 (extracts)) и по существу жалобы (см. *Vrioni and Others v. Albania*, no. 2141/03, § 51, 24 March 2009; *Bohlen v. Germany*, no. 53495/09, § 44, 19 February 2015).

2. Соответственно, Третья сторона просит принять её аргументы в отношении фактов дела и соответствующие доказательства, а не только комментарии в отношении общих принципов, применимых при рассмотрении настоящего дела. Особенно учитывая, что, по мнению Третьей стороны, приведенная ниже информация и приложенные к настоящим замечаниям документы должны быть приняты во внимание в интересах надлежащего отправления правосудия по смыслу статьи 44(3) Конвенции о защите прав человека и основных свобод. А решение суда по настоящему делу может оказать прямое и непосредственное влияние на Третью сторону и её малолетнего ребенка. Поскольку, согласно пункту 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, установление Судом нарушения положений Конвенции при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Суд, считается новым обстоятельством, являющимся основанием для пересмотра дела.

3. В подтверждение отсутствия у Заявителя прав опеки по смыслу статьи 5(а) Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (Гаагской Конвенции) Третья сторона представила Тверскому районному суду г. Москвы решение Суда по семейным делам Хайфы (Израиль), заверенная копия которого была получена 21 августа 2016 г. В этом решении указано: «Истица [Третья сторона] представит прошение [о предоставлении временной опеки] ответчику [Заявителю] для ответа... <...> По прошествии времени и в связи с отсутствием реакции

ответчика [Заявителя] я [судья] настоящим приказываю временную опеку (включая проживание) над несовершеннолетними [детьми Заявителя и Третьей стороны] передать матери [Третьей стороне]». Третья сторона также представила перевод этого решения на русский язык. Тверской районный суд приобщил это решение вместе с переводом к материалам рассматриваемого им гражданского дела (листы дела (л.д.) 77 и 75 соответственно; см. приложения 1 и 2 к настоящим замечаниям).

4. Заявитель не представил российским судам абсолютно никаких аргументов, не говоря уже о доказательствах, в том числе каких бы то ни было судебных актов или ссылок на законы, включая израильские, в пользу того, что решение Суда по семейным делам Хайфы не лишало его прав опеки по смыслу статьи 5(а) Гаагской Конвенции. При том, что указанная статья определяет «права опеки» как «включающие права, относящиеся к заботе о личности ребенка, и, в частности, право определять место жительства ребенка». А решение суда Хайфы прямо предписывало проживание ребенка с Третьей стороной, а не с Заявителем. И не накладывало на Третью сторону никаких ограничений в отношении места проживания Третьей стороны с ребенком.

5. При этом значение имеет вопрос только о том, имел ли Заявитель после вынесения судом Хайфы представленного Третьей стороной решения права опеки по смыслу Гаагской Конвенции, а не израильского законодательства как такового (см. *Neulinger and Shuruk v. Switzerland* [GC], no. 41615/07, § 66-68, ECHR 2010).

6. В заявлении о возвращении ребенка, поданном в Тверской районный суд, Заявитель написал, что «с марта 2015 года обоим детям было запрещено пересекать границу государства Израиль без судебного решения о возможности такого пересечения» (см. абз. 1 на с. 2 приложения 3). Однако он не приложил к своему заявлению копию такого решения (и (или) его перевода на русский язык; см. с. 4 того же документа). Заявитель (его представитель) также не сделал этого в судебных заседаниях Тверского районного суда, прошедших 14 и 24 апреля 2017 г. (см. приложения 5 и 8), и Московского городского суда (см. приложение 10). Поэтому российские суды не могли основывать свои выводы на некоем решении, не представленном Заявителем.

7. Более того, вопреки утверждениям Заявителя о существовании решения, запрещающего пересекать границу Израиля без судебного решения, он не представил российским судам никаких доказательств того, что для выезда Третьей стороны из Израиля с ребенком в начале августа 2016 г. потребовалось судебное решение. И тем более не утверждал, что она выехала из Израиля в нарушение какого бы то ни было судебного решения. Заявитель сообщил, что Третья сторона обращалась по этому

вопросу к самому Заявителю. И что Третья сторона подписала обязательство вернуться с ребёнком не позже 31 августа 2016 г. (см. абз. 4 и 5 на с. 2 приложения 3). Копия этого обязательства была приложена к заявлению Заявителя, поданному в Тверской районный суд. В соответствии с пунктом 4 этого обязательства (названного в переводе декларацией) Третья сторона заявила, что ей «известно, что невозвращение малолетнего сына в указанную дату возвращения является похищением во всех отношениях и противоречит Гаагской конвенции (относительно гражданско-правовых аспектов международного похищения детей)». Однако Заявитель никогда не указывал, что такого утверждения самой Третьей стороны достаточно, чтобы квалифицировать невозвращение ребенка как похищение в указанном смысле. И в любом случае такая декларация Третьей стороны не имеет никакого значения для решения вопроса о том, имело ли место похищение в указанном смысле. Решение этого вопроса зависит не от деклараций, а – в данном случае – от того, имел ли Заявитель права опеки по смыслу Гаагской Конвенции, какое государство являлось государством постоянного проживания ребенка, выражал ли Заявитель возражения против удержания ребенка в России до 14 марта 2017 г., когда он обратился в суд, наконец, от наличия очень серьезного риска того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему психологического вреда, но не от декларации Третьей стороны. Ни в письменных пояснениях, ни в заседаниях судов первой и второй инстанций, ни в своей апелляционной жалобе Заявитель и его представитель не упоминали более о каком бы то ни было решении израильского суда, в нарушение которого ребенок удерживался бы в России, и не приводили никаких аргументов, которые были бы основаны на упомянутом выше обязательстве (декларации) Третьей стороны. Как прямо указал Московский городской суд в своём апелляционном определении от 12 июля 2017 г., «какого-либо судебного акта, ограничивающего права матери на выезд с ребенком за пределы Израиля, в том числе в Российскую Федерацию, равно как и акта, определяющего, что ребенок должен проживать с отцом и может покинуть территорию Израиля исключительно с его согласия, не имеется» (см. абз. 5 на с. 5 определения).

8. В своих письменных пояснениях, представленных Тверскому районному суду, представитель Заявителя указал, что «суд г. Хайфы не передавал опеку над детьми [Третьей стороне]. Согласно Закона «О дееспособности и опеке» от 1962 г. опекунами несовершеннолетних детей являются их родители (ст. 14). Утверждая, что суд передал временную опеку [Третьей стороне], ответчик представила собственное прошение в суд о предоставлении временной опеки над детьми, т.е. ответчик, утверждая, что суд передал ей право опеки, ссылается на свои собственные слова, а не на решение суда»

(см. абз. 5—7 на с. 3 приложения 7; здесь и ниже орфография и пунктуация в цитатах исправлены). Это же написано в апелляционной жалобе Заявителя: «В материалах дела нет и не может быть решения о передаче прав опеки, т.к. ни один суд не выносил каких-либо решений об опеке над [Б.И.]. Ответчик [Третья сторона] представила в Тверской районный суд г. Москвы собственное прошение (л.д. 77) в суд г. Хайфы о предоставлении временного права опеки, т.е. ответчик, утверждая, что суд передал ей право опеки, ссылается на свои собственные слова, а не на решение суда. <...> Согласно Закона государства Израиль «О дееспособности и опеке» от 1962 г. опекунами несовершеннолетних детей являются их родители (ст. 14). Я являюсь отцом [Б.И.], и никто не лишал меня прав опеки» (см. абз. 3 и 4 на с. 2 и абз. 2 и 3 на с. 3 приложения 9). При этом Заявитель никогда не объяснял российским судам, на каком основании он это утверждает, учитывая, что Третья сторона со всей очевидностью представила не просто «собственное прошение в суд», а именно судебное решение, со всеми необходимыми подписями и печатями. При этом решение суда действительно написано в небольшом прямоугольнике, наложенном прямо поверх заявления Третьей стороны, поданного в суд. Однако такова юридическая техника, используемая израильскими судами. Возражения Заявителя в отношении этого решения израильского суда настолько непонятны (и ничем не подкреплены), что представитель Третьей стороны прямо заявил при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции: «Почему истец [Заявитель] упорно утверждает, что такого решения нет, нам не понятно» (см. абз. 9 на с. 4 приложения 10).

9. Единственный аргумент против представленного Третьей стороной решения Суда по семейным делам Хайфы, который выдвинул Заявитель (и его представитель), заключался в том, что это решение было представлено без апостиля (см с. 2 приложения 8). Этот же аргумент – и только он – был заявлен в представленных Тверскому районному суду представителем Заявителя ходатайстве об исключении доказательств и письменных пояснениях (см. приложения 6 и 7). Этот же аргумент был заявлен в апелляционной жалобе Заявителя (см. с. 2 приложения 9). При этом представитель Третьей стороны сразу же указал в заседании суда первой инстанции, что «Конвенцией предусмотрено приобщение такого рода доказательств» (см. с. 2 приложения 8), надо полагать, ссылаясь на статью 14 Гаагской Конвенции, согласно которой «при выяснении вопроса о том, имело ли место незаконное... удержание ребенка в соответствии со статьей 3, судебные... органы запрашиваемого государства могут непосредственно принимать во внимание... судебные... решения... не прибегая к специальным процедурам... признания иностранных решений, которые в ином случае

необходимо было бы применить». Этот же по сути аргумент представитель Третьей стороны повторил в заседании суда апелляционной инстанции: «В ст. 23 [Гаагской] Конвенции указано: «В контексте настоящей Конвенции не требуется никакой легализации или иной подобной формальности» (см. абз. 9 на с. 4 приложения 10).

10. Заявитель никогда не утверждал, что он ранее не знал о существовании этого решения суда Хайфы (само существование которого он, впрочем, всегда отрицал), что он не мог эффективно участвовать в разбирательстве, в рамках которого это решение было вынесено, что он обжаловал это решение по данному основанию, если оно подлежало обжалованию (ср. с совершенно иной ситуацией в *R.S. v. Poland*, no. 63777/09, § 68, 21 July 2015).

11. Хотя решение Тверского районного суда от 24 апреля 2017 г. относительно лаконично, Заявитель прекрасно понял, что в нём суд пришёл к выводу об отсутствии у него прав опеки, и в первую очередь именно поэтому отказал в удовлетворении его заявления о возвращении ребёнка, так как согласно статье 3 Гаагской Конвенции удержание ребёнка не может рассматриваться как незаконное, если оно осуществлено без нарушения прав опеки. В своей апелляционной жалобе на указанное решение районного суда Заявитель прямо написал: «В своем судебном решении суд установил, что у [Заявителя] не было прав опеки, т.к. 21.08.2016 суд г. Хайфы вынес решение о передаче временной опеки над детьми [Третьей стороне]» (см. абз. 1 на с. 2 приложения 9). Однако, несмотря на это, Заявитель так и не представил – в том числе суду апелляционной инстанции – абсолютно никаких аргументов против этого вывода суда первой инстанции, основанного на решении Суда по семейным делам г. Хайфы, не считая непонятного аргумента о том, что такого решения нет, и аргумента о том, что на нем не проставлен апостиль, который прямо и явно не требуется, исходя из положений Гаагской Конвенции, на которой основано заявление самого Заявителя.

12. Третьей стороне считает важным напомнить, что в отсутствие явных доказательств произвола со стороны национальных судов Суд не может подвергать сомнению их решения (см., например, *Sisojeva and Others v. Latvia* [GC], no. 60654/00, § 89, ECHR 2007 II и *Raban v. Romania*, no. 25437/08, § 38, 26 October 2010). В данном случае не усматривается ни малейших признаков произвольности решений российских судов. Тверской районный суд, прямо и явно указав, что Суд по семейным делам Хайфы передал Третьей стороне опеку над их с Заявителем совместными детьми (см. абз. 6 решения суда), и в отсутствие каких бы то ни было разумных возражений Заявителя на этот счёт пришёл к выводу, что у Заявителя отсутствуют права опеки по смыслу Гаагской Конвенции, и, соответственно, констатировал, что «незаконность...

удержания ребенка на территории Российской Федерации не установлена». Поэтому у районного суда не было необходимости дополнительно высказываться относительно того, на территории какой страны ребенок постоянно проживал до его предполагаемого – и не установленного судом – незаконного удержания, а также имеются ли предусмотренные статьей 13 Гаагской Конвенции исключения из правила о возвращении ребенка, которого незаконно удерживают.

13. Однако на случай, если по какой-либо причине Суд посчитает необходимым разрешить эти вопросы и сочтёт, что они относятся к его юрисдикции, Третья сторона считает необходимым обратить внимание на следующее.

14. Как указано в изложении фактов, подготовленном Секретариатом Суда на основании жалобы Заявителя, он утверждает, что в соответствии с положениями Гаагской Конвенции ещё в сентябре 2016 г. обращался через Центральный орган Израиля в Центральный орган РФ, которым является Министерство образования и науки Российской Федерации, за содействием в возвращении ребенка.

15. Однако в своём заявлении о возвращении ребенка, поданном в Тверской районный суд только 14 марта 2017 г., Заявитель на это не ссылался, как и не указывал, каковы были результаты его обращения в Министерство образования и науки РФ, если таковое имело место. Не заявлял он об этом и в заседаниях суда первой инстанции. Лишь в своей апелляционной жалобе на решение районного суда от 24 апреля 2017 г. Заявитель указал, что «Центральные органы государства Израиль обратились в Министерство образования РФ с целью возвращения [Б.И.], установив, что [Третьей стороной] осуществляется незаконное удержание ребенка и что такое удержание нарушает права опеки Истца [Заявителя]» (см. абз. 2 снизу на с. 3 приложения 9). Однако Заявитель не указал, когда Центральные органы государства Израиль обратились в российское Министерство. И не приложил никаких документов на этот счёт (см. страницу 8 того же приложения). При этом Третья сторона получила письмо из Министерства образования РФ, в котором ей сообщалось о поступлении запроса Заявителя, направленного Министерством юстиции Израиля, только 04 апреля 2017 г., уже после обращения Заявителя в Тверской районный суд (см. приложение 4).

16. Таким образом, Заявитель не представил – во всяком случае российским судам, а только это и имеет значение – абсолютно никаких доказательств того, что он – через Министерство юстиции Израиля – обращался в Министерство образования РФ в сентябре 2016 г. И что он в принципе предпринимал какие бы то ни было попытки вернуть ребенка до обращения в Тверской районный суд в марте 2017 г., которое последовало после обращения Третьей стороны в российский суд с заявлением об

определении места жительства ребенка с ней. Равным образом Заявитель, судя по материалам гражданского дела, не представил российским судам доказательств – во всяком случае таких, которые были бы приняты, что до марта 2017 г. он требовал возвращения Б.И. в Израиль или возражал против его пребывания в России. Как прямо указал представитель Третьей стороны в заседании суда апелляционной инстанции, «Истец [Заявитель] не предпринимал никаких действий по возвращению ребенка, в период с августа по март никаких действий не было со стороны истца. Данный иск был подан в ответ на наш иск об определении места жительства ребенка с матерью» (см. абз. 9 на с. 4 приложения 10).

17. Из этого следует, что Заявитель не представил российским судам никаких доказательств того, что ребенок удерживался в России в период с конца августа 2016 г. по март 2017 г. без согласия Заявителя, что он выражал свои возражения против удержания ребенка в России в указанный период. Наличие же согласия Заявителя на выезд ребенка из Израйля в принципе никогда не было предметом спора. И Тверской районный суд прямо указал на это в своём решении (см. абз. 1 на с. 6). Из чего следует, что к моменту, когда Заявитель обратился в Тверской районный суд в марте 2017 г. и впервые заявил в поданном им заявлении, что ребенок незаконно удерживается в России по смыслу Гаагской Конвенции, ребенок, выехавший из Израйля в начале августа 2016 г., проживал в России уже более 7 месяцев непрерывно. При этом проживал со своей матерью и её новым гражданским мужем, проживал в квартире, принадлежащей матери, в январе 2017 г. устроившейся в России на постоянную работу, с декабря 2016 г. ребёнок ходил в детский сад, с октября 2016 г. занимался в Центре лечебной педагогики, что было установлено Тверским районным судом (см. с. 4 решения). Поэтому Третья сторона уверена, что к моменту, когда Заявитель впервые заявил, что ребенок удерживается в России с нарушением его прав опеки, страной постоянного проживания ребенка по смыслу Гаагской Конвенции перестал быть Израиль, но стала Россия (ср. *Vilenchik v. Ukraine*, no. 21267/14, §§ 50-51, 3 October 2017). И поэтому речи не могло идти о возвращении ребенка в Израиль как в страну его постоянного проживания. И представитель Третьей стороны прямо заявил об этом в заседании Тверского районного суда: «Мы считаем, что мы полностью доказали, что РФ является местом обычного проживания ребенка» (см. с. 4 приложения 8). При этом значение имеет только то, где ребенок проживал непосредственно перед предполагаемым незаконным удержанием по смыслу Конвенции, а не где он преимущественно проживал с рождения. Поскольку согласно статье 4 Гаагской

Конвенции она «применяется к... ребенку, постоянно проживавшему в каком-либо Договаривающемся государстве непосредственно перед нарушением прав опеки...»

18. Несмотря на то, что российские суды пришли к выводу, что незаконного удержания ребенка не было и, соответственно, речи не могло идти об исключениях, предусмотренных статьей 13 Гаагской Конвенции, они фактически – по причине заявления Третьей стороной соответствующих аргументов – тщательно рассмотрели вопрос о том, имеется ли очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему психологического вреда. При этом суды, как и требуется в таких случаях, рассмотрели представленные Третьей стороной многочисленные документы, подготовленные специалистами: врачами, психологами, педагогами (см. *X v. Latvia* [GC], no. 27853/09, § 117, ECHR 2013). Так, согласно заключению психолога, «изменение его [ребенка] окружения, разлука со значимыми близкими, прежде всего с матерью, резкие изменения в укладе жизни ребенка, смена культурной и образовательной среды... могут оказать негативное влияние на психоэмоциональное состояние ребенка, развитие его эмоционально-волевой сферы, в связи с чем необходимо сохранять стабильность социальной ситуации, в которой проживает ребенок (в частности, рекомендуется проживание в семье матери и отчима, с которым у ребенка сформированы устойчивые отношения, привязанности)» (см. абз. 2 на с. 5 решения суда). По мнению логопеда, «смена языковой среды может пагубно повлиять не только на снижение темпа развития речи и мышления, но также негативно повлиять на общее психоэмоциональное состояние ребенка» (см. абз. 1 на с. 5 решения суда).

19. И хотя кто-то может усомниться, что это свидетельствовало о наличии угрозы причинения психического вреда, а не просто о некоторых неизбежных негативных последствиях возможного переезда в Израиль после достаточно длительного проживания и укоренения в России, не следует забывать, что речь идет о ребенке с особыми потребностями: по заключениям неврологов, у него [ИНФОРМАЦИЯ УДАЛЕНА ПРИ ПУБЛИКАЦИИ – ИНФОРМАЦИЯ УДАЛЕНА ПРИ ПУБЛИКАЦИИ] (см. абз. 2 снизу на с. 3, абз. 2 сверху на с. 4 решения Тверского районного суда), по заключению Израильского центра развития детей, у него [ИНФОРМАЦИЯ УДАЛЕНА ПРИ ПУБЛИКАЦИИ – ИНФОРМАЦИЯ УДАЛЕНА ПРИ ПУБЛИКАЦИИ – ИНФОРМАЦИЯ УДАЛЕНА ПРИ ПУБЛИКАЦИИ] (см. абз. 1 снизу на с. 3 и абз. 1 сверху на с. 4 решения суда), по заключению психиатра, у ребенка имеются [ИНФОРМАЦИЯ УДАЛЕНА ПРИ ПУБЛИКАЦИИ] (см. абз. 3 на с. 4 решения суда), по данным из детского сада, ребенок испытывал трудности в общении в связи с

[ИНФОРМАЦИЯ УДАЛЕНА ПРИ ПУБЛИКАЦИИ] (см. абз. 2 снизу на с. 4 решения суда), по данным логопеда, у ребенка отмечалось [ИНФОРМАЦИЯ УДАЛЕНА ПРИ ПУБЛИКАЦИИ – ИНФОРМАЦИЯ УДАЛЕНА ПРИ ПУБЛИКАЦИИ – ИНФОРМАЦИЯ УДАЛЕНА ПРИ ПУБЛИКАЦИИ] (см. абз. 1 снизу на с. 4 решения суда). При этом после переезда в Россию ребенок демонстрировал положительную динамику: согласно справке невролога, у ребенка пополнился словарный запас, он начал строить предложения (см. абз. 4 на с. 4 решения суда), согласно информации из детского сада, познавательная активность ребенка значительно выросла, наблюдается устойчивая динамика в развитии речи, социализации, поведение становится более спокойным и предсказуемым, появляются и совершенствуются навыки самоорганизации и обслуживания (см. абз. 2 снизу на с. 4 решения суда), по данным психолога в психическом состоянии ребенка выявляется положительная динамика, что обусловлено активной включенностью матери в процесс его обучения и развития (см. абз. 2 на с. 5 решения суда).

20. У Заявителя имелась возможность выразить свою позицию в отношении любых документов, в которых специалисты разных профилей подробно проанализировали состояние ребенка и явно или неявно высказались об угрозах, стоящих за его возможным возвращением в Израиль. Заявитель не был ограничен в каких бы то ни было процессуальных правах. И никогда не жаловался на этот счёт. В своей апелляционной жалобе на решение суда первой инстанции Заявитель лишь указал, что «суд сослался на медицинские справки и рекомендации педагогов, представленные ответчиком, однако ни одна медицинская справка не содержит вывода о том, что существует хотя бы малейший риск причинения вреда ребенку в случае возвращения его в государство Израиль. Рекомендации педагогов также не содержат указания на наличие такого риска» (см. абз. 3 и 4 на с. 5 приложения 9). К этому Заявитель лишь добавил претензии к форме представленных документов, заявив, что, по его мнению, они должны быть непременно «заключениями специалистов» по смыслу гражданского процессуального законодательства. А также указал, что лица, на заключения которых сослалась Третья сторона, состоят с ней в финансовых отношениях (см. абз. 5 и 6 на с. 5 того же приложения). Таким образом, Заявитель не предъявил никаких содержательных претензий к указанным документам, не представил возражений на них, которые были бы подкреплены мнением других специалистов, к которым он мог обратиться за рецензией представленных Третьей стороной документов, не просил об истребовании других документов по тому же вопросу, о допросе лиц, подписавших эти документы, о назначении экспертиз. При этом следует

напомнить, что российские суды не приходили к выводу, что имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему психологического вреда. И, соответственно, не мотивировали своё решение на этот счёт со ссылкой на все приведенные выше документы. И не должны были этого делать. Поскольку они пришли к выводу об отсутствии незаконного удержания ребенка, в то время как вопрос о серьёзном риске такой угрозы требуется рассматривать, если удержание ребенка признано незаконным по смыслу Гаагской Конвенции.

Приложения (не считая приложения № 4, копии материалов гражданского дела № 2-3328/17, с указанием листов дела):

1. Копия решения Суда по семейным делам Хайфы, полученного 21 августа 2016 г. (л.д. 77).
2. Копия перевода на русский язык решения Суда по семейным делам Хайфы, полученного 21 августа 2016 г. (л.д. 75).
3. Копия заявления Заявителя о возвращении ребенка, поданного в Тверской районный суд г. Москвы 14 марта 2017 г. (л.д. 5—8).
4. Копия письма из Министерства образования и науки РФ от 04 апреля 2017 г., адресованного Третьей стороне.
5. Копия протокола судебного заседания Тверского районного суда г. Москвы от 14 апреля 2017 г. (л.д. 152—154).
6. Копия ходатайства Заявителя об исключении доказательств, поданного в Тверской районный суд г. Москвы, от 24 апреля 2017 г. (л.д. 175—177).
7. Копия письменных пояснений Заявителя, адресованных Тверскому районному суду г. Москвы, от 24 апреля 2017 г. (л.д. 155—166).
8. Копия протокола судебного заседания Тверского районного суда г. Москвы от 24 апреля 2017 г. (л.д. 179—185).
9. Копия апелляционной жалобы Заявителя на решение Тверского районного суда г. Москвы от 24 апреля 2017 г., поданной в Московский городской суд (л.д. 236—243).
10. Копия извлечения из протокола судебного заседания Московского городского суда от 24 апреля 2017 г. в части, касающейся рассмотрения апелляционной жалобы Заявителя на решение районного суда (л.д. 248—251).

Олег Анищик, представитель Третьей стороны